

«Мы все знали, на что идем и что может быть»

Интервью с российским танкистом, который вместе со своим батальоном был командирован сражаться за Дебальцево.

Доржи Батомункуев, 20 лет, 5 отдельная танковая бригада (Улан-Удэ), воинская часть № 46108. Срочник, призван 25 ноября 2013 года, в июне 2014 заключил контракт на три года. Личный номер 200220, военный билет 2609999.

Лицо сожжено, обмотано бинтом, из-под бинта выступает кровь. Кисти рук тоже замотаны. Уши обгорели и съезжились.

Я знаю, что его ранило в Логвиново. Логвиново — горловину Дебальцевского котла — ранним утром 9 февраля зачистила и замкнула рота спецназа ДНР (на 90% состоящая из россиян — организованных добровольцев). Котел был замкнут так быстро, что украинские военные, находившиеся в Дебальцево, не знали об этом. В последующие часы войска самопровозглашенной ДНР свободно жгли машины, выходящие из Дебальцево. Так был убит заместитель главы АТО.

Спецназ отошел, занявших позиции казаков-ополченцев накрыло украинской артиллерией. Тем временем, украинские военные начали организовывать прорыв из котла. На удержание позиций был направлен российский танковый батальон, уже несколько дней к тому моменту находящийся на территории Донецкой области.

Мы разговариваем в Донецке, в ожоговом центре при областной центральной клинической больнице.

— 19 февраля я взорвался. В сумерки. 19-е число по буддистскому календарю считалось Новым годом. Так что год начался для меня тяжело. (Пытается улыбнуться, из губы быстро течет кровь). Вчера мне бинтом лицо замотали. У меня вообще лицо засушилось. Операцию пока не делают, потому что я хуже перенесу дорогу. Пальцами когда шевелю, тоже кровь течет. Я надеюсь в Россию попасть побыстрее.

— Как вас ранило?

— В танке. Танковый бой был. Я в противника танк попал, он взорвался. Попал еще под другой танк, но у него защита была, хорошо защита сработала. Он развернулся, спрятался в лесополосе. Потом мы делали откат на

другое место. И он как жажнет нас. Звук такой оглушительный — «тиннь». Я глаза открываю — у меня огонь перед глазами, очень яркий свет. Слышу: «тррц, тррц», это в заряде порох взрывается. Открываю люк, а открыть не могу. Единственное, что думаю: все, помру. Думаю: че, все, что ли? 20 лет прожил — и все? Потом сразу в голове защита. Пошевелился — двигаться могу, значит, живой. Живой — значит, надо вылезать.

Еще раз попробовал открыть люк. Открылся. Сам из танка вылез, с танка упал — и давай кувыркаться, чтоб огонь потушить. Увидел чуть-чуть снег — к снегу пополз. Кувыркаться, зарыхляться. Но как зарыхлишься? Чувствую, лицо все горит, шлемофон горит, руками шлемофон снимаю, смотрю — вместе со шлемофоном кожа с рук слезла. Потом руки затушил, давай двигать, дальше снег искать. Потом приехала БМП, водитель выбежал: «Братан, братан, иди сюда». Смотрю, у него баллон пожарный красный. Он меня затушил, я к нему бегу. Кричит: «Ложись, ложись» — и на меня лег, еще затушил. Командир взвода пехоты вытащил промедол — точно помню, и меня сразу в БМП запижали. И мы с боем ушли оттуда. Потом перенесли на танк, на танке мы поехали до какого-то села. И там меня мужик какой-то все колол чем-то, что-то мне говорил, со мной разговаривал. Потом в Горловку въехали. Тоже все ноги кололи, в мышцы промедол, чтобы не потерял сознание. В Горловке поместили в реанимацию, насколько я помню. Потом уже рано утром меня сюда привезли, в Донецк. Очнулся я здесь от того, что хотелось кушать. Очнулся я 20-го. Ну, как могли, накормили.

Дорога

— Как вы попали сюда?

— Я призывался 13-го года 25 ноября. Попал добровольно. Сюда отправляли только контрактников, а я приехал в Ростов, будучи солдатом срочной службы. Но я, будучи срочником, хорошие результаты давал — что по огневой подготовке, что по физической. Я призывался вообще с Читы, в Чите курсовку прошел, а в части Улан-Удэ решил остаться по контракту. В июне написал рапорт с просьбой. Попал во второй батальон. А второй батальон — в случае войны всегда первым эшелоном выезжает, в любой воинской части есть такое подразделение. У нас были, конечно, контрактники в батальоне, но в основном срочники. Но ближе к осени, к октябрю начали собирать из всех батальонов нашей части контрактников, чтобы создать из них один батальон. У нас не хватало в части контрактников, чтоб сделать танковый батальон, поэтому к нам еще перекинули контрактников из города Кяхта. Нас всех в кучку собрали, мы познакомились, дня четыре вместе пожили, и все, в эшелон.

У меня срочка должна была закончиться 27 ноября. А в Ростов мы приехали в октябре, у меня еще срочка шла. Так что контракт у меня начался уже здесь. Мы пятая танковая отдельная бригада.

— Вы не увольнялись?

— Нет, я не уволен.

— Вы ехали на учения?

— Нам сказали, что на учения, но мы знали, куда едем. Мы все знали, куда едем. Я уже был настроен морально и психически, что придется на Украину.

Мы танки еще в Улан-Удэ покрасили. Прямо на вагонном составе. Закрашивали номера, у кого-то на танках был значок гвардии — тоже. Нашивки, шевроны — здесь снимали, когда на полигон приехали. Все снять... в целях маскировки. Паспорт в воинской части оставили, военный билет на полигоне.

А так у нас бывалые есть ребята. Кто-то уже год с лишним на контракте, кто-то уже 20 лет. Говорят: не слушайте командование, мы хохлов бомбить едем. Учения даже если проведут, потом все равно отправят хохлов бомбить.

Вообще много эшелонов ехало. Все у нас в казарме ночевали. Пред нами ребята-спецназовцы из Хабаровска были, с разных городов, чисто с востока. Один за одним, понимаете? Каждый день. Наш шел пятым, 25-го или 27 октября.

Рампа разгрузочная была в Матвеевом Кургане. Пока ехали от Улан-Удэ до Матвеева Кургана, столько городов повидали. 10 суток ехали. Чем ближе сюда, тем больше людей нас приветствовало. Руками машут, крестят нас. Мы в основном все буряты же. Крестят нас. (Смеется, кровь снова течет).

А и здесь тоже, когда ездили. Бабушки, дедушки, дети местные крестят... Бабки плачут.

— Какой полигон?

— Кузьминский. Там много таких полигонов. Палаточные городки. Одни заехали, другие уехали. Предыдущие эшелоны там встречали. Кантемировская бригада из Подмоскovie была после нас. Там у них десантники и одна танковая рота несильной мощи. А вот наш танковый батальон составляет 31 танк. Можно что-то серьезное сделать.

— **Можно было отказаться?**

— Можно, конечно. Никто тебя не принуждал. Были и такие, кто еще в Улан-Удэ отказался, когда уже почуяли, что жареным пахнет. Один офицер отказался.

— **Рапорт нужно писать?**

— Я не знаю. Я же не отказался. И в Ростове были такие, кто отказался. С нашего батальона я знаю одного. Ваня Романов. Мы с ним еще по курсовке вместе в одной роте служили. Человек низких приоритетов. К нам на полигон перед Новым годом приезжал командующий восточным военным округом генерал-полковник Суровикин. Приезжал в нашу танковую роту. Всем руки пожал... Ивана с собой забрал, на родину, в Новосибирск. Что с Романовым сейчас, не знаю. Но факт в том, что можно было уехать.

— **Суровикин говорил что-нибудь про Донецк, про Украину?**

— Ничего не говорил. (Смеется). У нас в поезде, пока 10 дней ехали, разные слухи были. Кто-то говорил, что это просто отмазка, кто-то — нет, реально на учение. А получилось и то, и то. Один месяц подготовки прошел, второй месяц, уже третий месяц. Ну, уже, значит, точно на учения приехали! Ну, или чтобы показать, что наше подразделение на границе есть, чтобы украинцам было чуть-чуть пострашней. Просто то, что мы уже здесь — это уже психологическая атака.

Учения, как планировалось три месяца, провели. А потом... мы уже под конец учений дни считали. У нас специальные люди есть, замполиты, по работе с личным составом. Им на совещаниях доводят, они нам рассказывают. Замполит говорит: «Потерпите неделю, домой поедем». Смена наша уже приехала. Нам говорят: все, скоро платформа придет, грузим танки, механики и водители поедут на поезде, остальные — командиры и наводчики — полетят самолетом с Ростова до Улан-Удэ. 12 часов лету — и дома.

Потом раз — сигнал дали. И все, мы выехали.

— **Когда?**

— Числа 8-го февраля было. Капитан нашей группы просто вышел и сказал: все, ребята, едем, готовность номер один. Готовность номер один — сидим в танке заведенном. Потом колонна выдвигается.

— **Быстро уезжали?**

— А мы народ военный, быстро-быстро, махом все. Вещмешок, автомат — и в танк. Танк заправил, завел и поехал. Все свое ношу с собой.

Когда только выезжали с полигона, сказали: телефоны, документы — все сдать. Мы с Кузьминского выехали к границе России, встали в лесополосе. В танк я сел — еще светло было, из танка вылез — уже темно. Потом поступил сигнал. Все, нам нотаций не читали. Сказали: начинаем марш. Мы и без этого все поняли, без слов. Мне-то что, я в танк сел, да и все, главное, еду.

— **Получается, никто — ни замполит, ни командиры — с вами про Украину не разговаривали?**

— Нет, потому что и так все понимали. Чего они будут нам кашу эту жевать. Патриотическую блевоту нам тоже никто не пихал. Мы всё знали, еще садясь в поезд же.

— **Вы понимали, что пересекаете границу?**

— Поняли все, что границу пересекаем. А что делать? Не остановишься же. Приказ есть. А так мы все знали, на что идем и что может быть. И тем не менее мало кто страху дал. Командование наше молодцы, делают все стабильно, четко и грамотно.

— **Когда вы узнали, что маршем идете на Донецк?**

— Когда узнали? Когда прочитали, что Донецк. Это когда в город заезжаешь... Там еще надпись — ДНР. О, мы

на Украине! Темно было, ночью ехали. Я из люка высунулся город посмотреть. Красивый город, понравился. Справа, слева — все красиво. С правой стороны смотрю — огромный собор построен. Очень красиво.

В Донецке мы в убежище заехали, припарковались. Нас повели покушать горячего в кампус, потом расположили в комнаты. Потом мы все в одной комнате легли, у одного из наших был телефон. Ну, телефоны все равно кто-то с собой взял. Нашли радио «Спутник». И как раз там была дискуссия насчет есть ли военные здесь на Украине. И все гости такие: «Нет-нет-нет». Мы ротой лежим такие: ну да. Ну а в открытую кто скажет? Наше правительство все равно понимает, что надо помогать, а если официальный ввод войск сделают, это уже Европа залупнется, НАТО. Хотя вы же понимаете, что НАТО тоже в этом участвует, конечно, оружие поставляет им.

— Вам объяснили, на сколько вы приехали?

— Нет. Может, вообще до конца войны.

— А вы спрашивали?

— Нет. Мы понимали, что тут от нас вся война зависит. Поэтому нас и три месяца эти гоняли, как сидоровых коз, на учениях. Могу сказать только, что подготовили действительно конкретно, и снайперов наших, и все виды войск.

Война

— Сколько вас зашло?

— Получается, 31 танк в батальоне. Мы заходили поротно. Десять танков в каждой роте. К каждому 10 танкам прибавлялось по три БМП, мотолыга медицинская и пять «Уралов» с боеприпасами. Вот это численный состав тактической группы ротной. Танковый батальон составляет около 120 человек — три танковые роты, взвод обеспечения, взвод связи. Плюс пехота, конечно. Примерно 300 человек нас зашло. Все с Улан-Удэ. В основном, большая часть — буряты. Местные посмотрели на нас, говорят — вы отчаянные ребята. А у нас у буддистов так заведено: мы верим Всевышнему, в три стихии и в перерождение. Если ты умрешь, обязательно снова родишься.

— Вам на месте объясняли, что вы замыкаете котел?

— Нет, ничего не объяснили. Вот позиция, вот позиция замыкания огня, туда смотрим, никого не выпускаем. Кто едет — наповал. Огонь на поражение.

— Ваши командиры с вами поехали?

— Командиры у нас все молодцы. Не было такого командира, который трусил и чего-то побоялся. Мы все были наравне. Независимо, ты полковник или рядовой. Потому что мы боремся бок о бок. Командир батальона моего... Он сейчас в Ростове, точно так же обгорел в танке, как я... мой комбат, полковник. Где-то числа 12—14-го, вот в те дни. Потому что надо было деревню освободить одну. Не помню, как называется... Деревню отбили... хорошо все...

Мы играли в карусель. Это такой тактический метод боевой стрельбы из танка. Три или четыре танка выезжают на рубеж открытия огня, стреляют, а как у них заканчиваются боеприпасы, им на замену отправляют также три или четыре танка, а те загружаются. Так и менялись. Но комбату не повезло. При выполнении карусели, когда стреляешь с танка... Танк очень капризная машина, бывает, что выстрел затяжной. Ты вроде стрельнул, а он не стрельнул ни черта. Просто не стреляет танк, тупо не стреляет и все. Первый танк выстрелил — бах, второй, третий танк — задержка. А их долбят укропы. И все. Комбат запрыгнул в свой танк, поехал — один танк он уничтожил, второй его уничтожил.

Наводчик комбатовского танка, Чипа, он тоже обгорел. Механик... механикам вообще хорошо. Ты вообще сидишь в танке, у тебя броня вот такенная, огромная броня... ты полностью закрыт от всего. Механику выжить намного легче. В случае попадания снаряда в башню наводчик и командир обычно загораются, а механик не горит, если смысленный — в танке есть такая кнопка — аварийный поворот башни. Она в другую сторону — шух, и ты спокойно вылазишь. Мой механик так вылез, комбатовский механик так вылез.

Смотрю на своего — он целехонек, невредим. На командира своего смотрю... Спартак — он там лежит, в коридоре. Но он не так сильно обгорел, как я. У него сразу люк открылся, а у меня был закрытый... Я

наводчик. Рядовой. Танк долго горит.

— **Были погибшие?**

— Нет. Есть Минаков, которому ногу оторвало в танке. По берец ногу разорвало. А на правой ноге у него пальца ноги нет, тоже разорвало. Комбата пожгло, наводчика Чипу, Спартака... Это на моей памяти.

— **Вы вместе с ополченцами воевали? Общие задачи были у вас?**

— Нет. Они просто... Займут один рубеж, и когда надо ехать дальше врага дожимать, ополченцы отказываются ехать. Говорят: мы туда не поедem, там опасно. А у нас приказ наступать дальше. И захочется — не прикажешь им. Ну и дальше едешь. Ну ничего, котел мы почти зажали уже.

— **Котла больше нет. Все, кто был в котле, либо бежали, либо уничтожены. Дебальцево теперь ДНР.**

— Хорошо. Поставленную задачу... выполнили.

— **Вы, получается, помогали при организации котла?**

— Да, в котел всех поставили, окружили полностью и наблюдали, наблюдали. Они пытались сделать вылазки — группы пехоты, и на «Уралах», и на БМПхах, и на танках, и на чем можно. У нас приказ был стрелять на поражение сразу. Мы в них стреляли. Вот они прорываются из котла, дорогу хотят сделать, убежать хотят, а надо их к ногтю прижать.

Они ночью вылазки делают, как темнеет, сразу движуха начинается. Смотришь — и там, и там, человек в танке едет, там люди пошли, ну и огонь на поражение. Снарядов никто не жалел. Боекомплекта хватало. Основной боекомплект — в танке. 22 снаряда во вращающемся конвейере, и внутри танка еще раскидывается 22. Итого боекомплект танка составляет 44 зарядных снаряда. И в «Уралах» второй боекомплект мы привезли. У меня танк был очень хороший. Не просто 72, а танк 72б. А бэшка исключается тем, что есть прицел 1К13, он для ночной стрельбы, ночного наблюдения, для выстрелов с управляемыми ракетами. Управляемых ракет у меня было 9. Кумулятивные, осколочные еще. Главное — мне показали, как пользоваться этим. Теперь тяжело промахнуться. Всякие блиндажи, убежища — все поражалось спокойно. Допустим, вот разведка докладывает, что за зданием скопление пехоты противника, один БМП и два «Урала»... У нас всего было два таких танка — мой и моего командира взвода. Так мы по переменке и выезжали. И всегда поражали. Такой молодец танк был, хороший танк. Сейчас сгорел.

— **Было, что мирных убивали?**

— Нет. С гражданскими машинами тянули до последнего. Когда уже убеждались, что укропы — били. Но был случай, когда пикап ехал, мне говорят: «Стреляй, стреляй». «Щас, щас», — говорю. Чего мне бояться, я же в танке. До последнего смотрел в прицел. Смотрю — у мужика повязка белая, ополченец. Подумал, сейчас бы жахнул, а оказалось, убил бы своего.

И БТР еще так же ехал. Ополченцы же нам не говорят, как едут. Я нашим кричу: «Свои, свои!» Первый раз перепугался. Своего убивать.

— **Так вы вообще не координировались?**

— Нет. Ополченцы — они странные. Стреляют, стреляют. Потом останавливаются. Как на работу ходят. Никакой организации нет. Нету главы, боекомандования, все вразнобой.

— **В каком населенном пункте это было?**

— Я не знаю, что это был за населенный пункт. Все деревни одинаковые. Везде разруха, все разбомблено.

— **А сколько вы деревень прошли?**

— Точно не скажу. Деревни четыре. Было один раз отбитие деревни, а в остальные просто заезжали... (Молчит). Я, конечно, не горжусь этим, что сделал. Что уничтожал, убивал. Тут, конечно, гордиться нельзя. Но, с другой стороны, успокаиваюсь тем, что это все ради мира, мирных граждан, на которых смотришь — дети, старики, бабы, мужики. Я этим не горжусь, конечно. Тем, что стрелял, попадал...

(Долго молчит).

Страшно. Боишься. Подсознанием ты все рано понимаешь, что там такой же человек, как и ты, в таком же танке. Ну, или пехота, или на любой технике. Он все равно... такой же человек. Из крови и плоти. А с другой стороны, понимаешь, что это враг тебе. Убивал ни в чем невинных людей. Мирных граждан. Детей убивали. Как эта сволочь сидит, весь трясется, молится, чтобы его не убили. Начинает прощения просить. Да бог тебе судья.

Нескольких взяли. Так все жить хотят, когда уже прищучит. Такой же человек. У него мама. (Долго молчит). У каждого человека своя судьба. Может, печальная. Но никто их к этому не принуждал. Со срочниками — другое дело. 2 или 3 тысячи из 8 тысяч этих было солдат-срочников. Они по принуждению ехали. Я тоже задумался, как бы я поступил. Что бы я на месте делал пацана 18-летнего. Думаю, пришлось бы ехать. Ему приказывают. Если не убьешь, говорят, тебя убьют и семью твою убьют, если служить не будешь. Парнишка ихний рассказывал: «Ну а как же, что же делать, приходилось идти служить». Я говорю: «Были у вас такие, кто убивал мирных?» «Были», — говорит. «А ты, — говорю, — убивал?» «Да», — говорит. (Молчит). Те наемники, которые с Польши или всякие чечены, которыми движет идея чисто, которым не сидится без войны, — вот их надо уничтожать.

— **Вы видели наемников из Польши?**

— Нет, но нам говорили, что есть.

Мирные

— **Общались с мирными?**

— Нет. Мирное население сами к нам подходили много. Мы старались с ними шибко не разговаривать. Командование сказало: в контакты не вступать. Когда мы были в Макеевке, они вообще нам сказали, что 70 процентов мирного населения здесь — за укропов, «так что вы будьте на чеку, ребята». В Макеевку заехали, в парке городском мы спрятались, технику укрыли, замаскировали — и буквально через час по нам начали долбить минометы. Все сразу давай окапываться, копать, перемещения делать. Ну что, я в танк залез — мне пофиг. Танку от миномета ничего не будет. Осколки... даже так говорят — если попадет в тебя снаряд «Стрелы», который 4 метра, градовский снаряд, танку ничего не будет. Лучшее убежище, чем танк, не найти. И мы жили в танке, спали сидя. Холодно, но ничего, так и спали.

— **А вас не напрягло про Макеевку? Что 70 процентов местных за Украину, вдруг правда?**

— Напрягло, конечно. Уже мысленно ждешь подвоха от всех. Вдруг он тебя... ну там приносили нам покушать. То чай, то что. Мы брали, но не пили. Вдруг отравы. Но как говорят: «Русских не победить. Русских можно только подкупить». (Смеется).

— **Не было сомнений: если правда 70 процентов, зачем приехали?**

— Было. Но 70 процентов населения одного села для меня как-то несущественно. Нужно уважать выбор людей. Если Донецк хочет независимость, нужно ее дать. Здесь с медсестрами, с врачами разговаривал. Они говорят: нам бы независимость и правительство, как у вас, и Путина.

Ну вот единственно интересно: получит ДНР независимость — дай бог получит. Что они делать будут? Как в сталинской пятилетке развиваться будут что ли? Экономики нет. А если экономики нет — значит, ничего не получится.

Семья

— Единственное, что Кобзона тут встретить не ожидал. (Громко смеется). Второй раз в жизни! 23 февраля он сюда в больницу приезжал. А в 2007 году ко мне в школу приезжал. У меня школа в 2006 году стала лауреатом... лучшей школой России-2006. Вторая школа поселка Могойтуй. Он пришел в больницу, я говорю: «А я с вами уже виделся, мы с вами здоровались». Он такой... глаза выпучил: «Это когда же?». «А вы ко мне в школу приезжали. Я прямо здоровался за руку. Нас всех построили, мы к вам руки тянули».

Кобзон говорит: «Ты бурят? Я на тебя смотрю, вижу очертания бурятские». Я говорю: «Да, бурят». Он говорит: «Я 14 марта в Агинское собирался». Я говорю: «Я во второй могойтуйской школе учился». Он: «О, знаю, знаю, хорошо, землякам привет от тебя передам». Я говорю: «Передавайте». Ну и все.

Ну и меня по телевизору показали. Потом этот ролик в «Ютубе» смонтировали. Сестра нашла этот ролик,

матери показала. Дома видели, что я здесь, что со мной.

— Они знали, где вы?

— Да. Когда у меня отца не стало, я еще маленький был... У нас есть, как у вас попы, буддийские ламы-монахи. Когда лама отмаливал моего отца, он посмотрел на меня и сказал: жить долго будет, судьбу свою знает. Мне мама это рассказала, когда я сказал, что еду сюда на Украину. Конечно, она как любящая мать попротивилась, потом общий язык с ней все-таки нашли.

Когда я с Улан-Удэ только выезжал... Мы уже заранее все... догадывались. Я матери сказал, чтобы молилась за меня, что со мной все будет хорошо. Лама же сказал, что я долго жить буду. Сказал, не соврал же. Когда в танке горел, думал, что лама не прав был. А оно вот как получилось.

Меня как ранили, я весь обгорел, в санитарку меня положили, я весь обколотый, боли шибко не чувствую. Там мужик-ополченец. «Позвонить», — говорю. «В Россию? На, позвони». Еще парнишка какой-то сидел с медвзвода, набрал номер моей мамы. Звоню и говорю: «С Новым годом!» В тот же день Новый год был. Она веселая, поздравляет. Говорю: «Что, как дела?» «А, — говорит, — гости пришли, ты как?» Говорю: «А со мной все нормально, обгорел в танке, сгорел немножко». У мамы как-то голос поменялся.

Я отключился. Парнишка с медвзвода тоже бурятенок, давай с ней разговаривать, успокаивал ее.

Сейчас дома уже все ролик посмотрели. Все, говорит, молимся за тебя. А что им остается делать.

— Будут выплаты какие-то вашей семье?

— А вот это не знаю. У нас же в России так — как до денег доходит, никто ничего не знает. (Усмехается). Может, выплатят, а может, вообще скажут, что ты давно уволен. Не получилось бы так, что я уехал сюда, а числился там. У меня же 27 ноября срочка закончилась. Хоп, и срочка закончилась там, а я тут вообще гастролер. Так вот. Побаиваюсь.

Контракт-то у меня подписан в июне. Как курсовку прошел. Спрашивают — кто по контракту остается? Ну, я и поднял руку. Первый срок контракта — на три года. Так и подписал. Контрактная жизнь — ничего такого, делаешь, что тебе скажут выполняешь все требования командира, и все. Но я, когда летом подписывал контракт, не думал, что я на Украину поеду. (Молчит). Нет, я задумывался об этом. Но не думал. Все-таки мы от Украины очень далеко. Есть и другие округа военные, которые ближе — южный, западный, центральный. Мы никак не ожидали, что в восточный военный округ отправят. Нам потом комбат объяснил, что ему на совещании сказали: «Вы сибиряки — вы покрепче будете, вот вас и отправили».

Будущее

— Жалуете?

— Сейчас-то что жалеть уже. Обиды никакой нет. Потому что знаю, что за правое дело боролся. Так постоянно новости смотришь про Украину — выборы, выборы, выборы, потом революция оранжевая пошла, началось Одесса, Мариуполь... Когда я еще был в Песчанке, в курсовке, в Чите, у нас была НВП, нам включили телевизор. Включили новости. И там в Одессе как раз... люди сожглись. Мы сразу все... Нам плохо стало. Из-за того, что чувство... наверное... что так нельзя. Это нечеловечно, несправедливо. А то, что меня... что по сути нельзя срочников сюда везти. Вообще нельзя было. Тем не менее, я поехал все равно. С чувством... не долга, а справедливости. Здесь я насмотрелся на то, как убивают. Бесчинствуют. Тоже чувство справедливости. Когда мы в танках едем, иногда радиоволну нашу перехватывают укропы. Я точно помню там голос мужчины: «Слушайте внимательно, московские, питерские, ростовские выродки. Мы вас всех убьем. Сначала убьем вас, ваших жен, детей, доберемся до ваших родителей. Мы фашисты. Мы не перед чем не остановимся. Будем вас убивать, как наши братья-чеченцы, отрубать вам головы. Запомните это. Отправим вас домой в цинковых гробах, по кусочкам».

У меня прадед воевал в Великой Отечественной, а его товарищ был с Украины, вот они вместе воевали. От прадеда у меня даже винтовка осталась. У нас охота разрешается. Ну я и охотился. Поэтому стрелять я с детства еще...

— Как думаете дальше жить?

— Войны для меня хватило. Отслужил, за ДНР воевал. Остается мирной жизнью жить. Учиться и работать. Организм восстанавливается, борется.

Ну вот я думаю, что скорее всего в Ростове выздоровею. Поеду в Улан-Удэ как груз 300.

Единственное, где я еще хотел побыть — это на сенсейшене. Он проходит каждый год в Питере. Все одеваются по дресс-коду в белое. Приезжают лучшие диджеи. У меня сестра была...

А так по миру я поездил немало. Я был в Непале, в Тибете. В Тибете очень красиво. Город красивый, монастыри; был в Китае — в Манчжурии и в Пекине, видел все — и Запретный город, и Дворец Императора, на Великой стене стоял. Потом был в Даоляне, в Гуанчжоу, там выращивают лучший чай — пуэр. Еще я был в Индии. В Индии были учения нашего Далай-ламы. В Монголии был. На федеральной трассе есть огромная статуя Чингисхана. Поднимаешься по эскалатору — оказываешься в голове Чингисхана. Полпланеты пролетел, был на Черном море в Сочи. Купались. Но что я в Желтом море был, что в Черном, ничего красивее и лучше Байкала нет. Там дача у меня. Рыбка капризная есть, омуль, нерпа. Какое бы море ни было, Байкал все равно красивей и чистый еще.

(Молчит).

Я на наших зла не держу совсем. Потому что от этого никто не застрахован. Что будет в бою, никто не знает. Может, ты, может, тебя. Может, останешься там. Может, как я, выживешь.

— К Путину нет вопросов?

— Я против него ничего не имею. (Смеется). Очень, конечно, интересный человек. И хитрый, и «введем-не введем». «Нет тут войск», — говорит всему миру. А сам нас по-быстрому: «Давай-давай». Ну а с другой стороны — другая мысль. Если Украина вступит в Евросоюз, в ООН, ООН может развернуть тут свои ракеты, вооружение, в принципе это может. И тогда уже мы будем под прицелом. Они будут уже намного ближе к нам, уже не через океаны. Вот совсем через землю. И понимаешь, что это тоже отстой, отстойка нашего мнения, нашей позиции, чтоб нас не задело, если что. Так же, как холодная война, вспомните. Они чего-то хотели, а мы поставили на Кубе свои ракеты и эти сразу «все-все-все, ничего не хотим такого». Если подумать, сейчас Россия опасается. Насколько я читаю и историю изучал — чисто вот в последние годы начали с мнением России считаться. Раньше вот было: Советский союз и Америка — это две геополитические мощи. Потом мы развалились. Сейчас мы вновь поднимаемся, опять начинают нас гнобить, но нас уже не развалить. Но они возьмут Донбасс, развернут, поставят, ракеты долетят до России в случае чего.

— Вы это обсуждали с замполитом?

— Нет, это у меня на подсознательном уровне, понимаешь? Я же не дурак. А с кем-то разговариваешь, он не понимает, что я говорю. С офицерами разговаривал, они говорят — такой ход событий возможен. Мы все-таки свои права тоже отстаиваем на этой войне.

В пятницу вечером Доржи и еще двух раненых солдат перевезли из Донецка в окружной военный госпиталь 1602 (Ростов-на-Дону, район Военвед), где они находятся без занесения в списки приемного отделения. Никто из руководства воинской части и министерства обороны так и не связался ни с Доржи, ни с его семьей. Сегодня мама Доржи доехала до в/ч № 46108, где ей сообщили, что Доржи действительно есть в списках бойцов, отправленных из этой части в Украину, а значит, Минобороны полностью выполнит свои обязательства перед солдатом, оплатит лечение. «Они сказали, что от него не отказываются», — говорит мама. Связь Доржи с семьей удастся поддерживать благодаря соседям по палате, одалживающим солдату телефон.

Предложить свою тему и связаться с редакцией Бабра в Бурятии можно по адресу bur.babr@gmail.com

Новости Бурятии - в Вайбере. Только эксклюзив! Подписывайтесь!

Читайте нас в Одноклассниках!

Читайте нас в Телеграме!

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Елена
Костюченко.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)